

Часть IX.
КАРЕЕВСКИЙ LOGOS РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ И ИХ ЕДИНСТВУ

Г. П. Мяжков (Казанский ГУ)

Н. И. Кареев о роли традиции в механизме исторического процесса

Траектория восприятия наследия Н. И. Кареева в советской историографии развертывалась в условиях, когда центральным звеном выстраивания **системы историософии** было учение о классах и классовой борьбе, о социальных революциях, а потому любые иные идеи «буржуазных» мыслителей о способах прогрессивного движения общества, лежавшие в плоскости обсуждения отношений «особенное (локальное) – всеобщее (глобальное)», подвергались критике или игнорировались. В новой ситуации рубежа XX–XXI вв. резко возросло внимание к разработкам Кареевым **теории исторического процесса**, к «историологии» как науке о причинах, силах, факторах, законах исторического процесса (из порядка 500 работ, посвященных творчеству Н. И. Кареева, первые из которых восходят к концу 70-х годов XIX в., более 350 созданы после 1990 г. – Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007). Сост. В. А. Филимонов. Казань, 2008). Здесь отразились запросы на постановку и решение новых эпистемологических задач историознания. Известно: обратного хода в науке нет, но есть практика масштабного использования «забытых» или не востребуемых в свое время идей.

Усилиями Б. Г. Сафронова, И. А. Голосенко, В. П. Золотарева, О. Л. Гнатюк, А. В. Малинова, Г. П. Мяжкова, И. Д. Осипова, Ю. В. Дунаевой, В. А. Филимонова и др. предметно исследовалось решение Н. И. Кареевым вопросов о роли личности в истории, формах человеческой активности, индивидуального и коллективного поведения. И все же путешествие вслед за Кареевым «в самую лабораторию истории» продолжается. Сам историк на вопрос: «Как же идти в нее?», отвечал: исследовать проблемы историологии надо *«на общей основе синтетического понимания исторического процесса, как взаимодействия прагматики и культуры, сводящегося в последнем анализе к разнообразным взаимодействиям между отдельными людьми...»* (Историология. Пг., 1915. С. 252).

Начала учения о диалектике культурной традиции и личной инициативы как о двух факторах культурной эволюции Кареев изложил в книге «Литературная эволюция на Западе» (Воронеж, 1886). Важный шаг был сделан в процессе работы над вторым томом «Основных вопросов философии истории» (СПб., 1883; 1887). В цикле трудов, этапными в котором стали «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (1889), «Историология» (1915), «Общие основы социологии» (1919), Кареев определяет сущность исторического про-

цесса как взаимодействие личности с над-органической средой (*культурно-социальной «обстановкой»*, отличной от среды неорганической, которую составляет «вся природа»). В выявленном механизме взаимодействия важно учитывать, что «и личность, и над-органическая среда в своих взаимных отношениях не суть величины постоянные: в каждом отдельном случае отношение между ними меняется, хотя сущность дела остается одна и та же... личность стремится к самоопределению, тогда как тенденция среды – ассимилировать себе личность» (Сущность..., с. 432). Основой функционирования среды выступают традиции, в основе которых *подражательные повторения*. Именно *культурно-социальная традиция* есть та сила, которая «подчиняет личность “объективному духу”, выражаясь термином немецкой философии, и ставит целые поколения людей в зависимость от моментов культурной эволюции» (с. 444). Она же «обуславливает форму, содержание и направление деятельности отдельных личностей...» (с. 457).

Описанный механизм «работает» в судьбах отдельных народов, которые рассматриваются Кареевым как «своего рода коллективная личность, сознающая... свое единство, свое тождество в смене времен, свою отдельность от других таких же коллективных личностей» (Историология, с. 263). Каждый народ вырабатывает свою культуру, которая зависит не только от его способностей и природных условий его территории, но и от внешних влияний. Предвосхищая «услышанный» европейским историознанием в 1970-е гг. тезис Б. Ф. Поршнева, что «нет истории одной страны», Н. И. Кареев формулирует: «Каждый народ есть не только то, что создали из него он сам и окружающая его природа, но и то, что из него сделали другие народы, так или иначе на него влиявшие, то или другое ему давшие» (Историология, с. 108); «национальная культура каждого исторического народа есть, в каждый момент, не что иное, как результат известного синтеза своего и чужого, и все, таким образом, не может быть объяснено в этой области лишь из одних национальных основ» (с. 262). Успех внешних влияний историк связывает со способностью народа «по внутренним условиям быта» воспринять привносимое в его жизнь извне. Кареев приходит к выводу, что кроме национальных традиций, есть еще традиции интернациональные, и многие элементы национальной традиции при их анализе «окажутся заимствованными из традиции интернациональной» (с. 289). В явлении «культурного интернационализма» Кареев видит механизм всемирно-исторической преемственности, приобщения отдельных народов к «историческому интернационализму» посредством заимствований, «рецепций» и преемственности цивилизаций. Но усиление взаимодействия между народами не отменяет того, что «более или менее прочно сложившиеся привычки», традиции, нравы и т.п. продолжают определять весь социальный строй и быт народа в их своеобразии по сравнению с другими народами (Общие основы социологии, с. 186). Кареев фактически предложил формулу решения возникшего столетием спустя дискурса между глобалистами и антиглобалистами.

Эссе Н. И. Кареева «О духе русской науки»: новое прочтение

Имя и труды Николая Ивановича Кареева (1850–1931) сегодня известны не только специалистам (как это было совсем недавно), но и более широкому кругу людей, интересующихся гуманитарным знанием.

Здесь уместно сказать несколько слов о Карееве. Происходил он из старинного дворянского рода. Родился в Москве 25 ноября 1850 г. В 1873 г. с блеском окончил Московский университет по кафедре В. И. Герье. В 1877–1878 гг. подготовил магистерскую диссертацию «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (М., 1879). После её защиты (21 марта 1879 г.) был направлен в Варшавский университет, в котором работал с августа 1879 г. по декабрь 1884 г. Все эти годы стремился уехать, как он писал в одном из своих писем, «из варшавской травли», но для него, человека левых убеждений, «не находилось» вакансий в университетах обеих столиц Российской империи. Наконец, ему удалось в декабре 1884 г. получить профессорскую должность в Александровском императорском лицее, а в августе 1885 г. и в университете Санкт-Петербурга. В этом славном городе он прожил всю свою жизнь.

Без малейшего сожаления Кареев покинул Варшаву, но все же ему захотелось проститься со своими многочисленными польскими и русскими друзьями и почитателями. Сделал он это красиво и оригинально, пригласив их 9 ноября 1884 г. в просторный зал Русского Собрания в Варшаве, в котором с большим вдохновением прочитал двухчасовую лекцию «О духе русской науки». 24 ноября она была дозволена цензурою Варшавы к публикации. Незамедлительно набрана в типографии и уже в декабре поступила в продажу. Таковы внешние обстоятельства появления лекции Кареева.

Судьба этого эссе Кареева печальна (как, впрочем, и многих его исследований, кроме разве названной диссертации о крестьянах Франции): мало кто из исследователей стремился внимательно изучить его и дать беспристрастную оценку научному содержанию в нем содержащуюся.

Рамки тезисной статейки нас очень сдерживают, однако осмелимся по-новому осмыслить содержание «напутной лекции» Кареева и предельно кратко ответить на три вопроса: [1] каков смысл кареевского словосочетания «*дух русской науки*»?; [2] в чем он видел *своеобразие русского гуманитарного знания*?; и [3] чем *может и должна сделаться, по его убеждению, русская наука в будущем*?

[1] Кареев обоснованно констатировал: первыми деятелями науки в России были иностранцы (немцы), но даже с появлением русских ученых, последние должны были сохранить «*известную немецкую закуску*» (стр. 1); считал словосочетания «дух русской науки», «русский дух», «дух народа» синонимическими, отражающими не нечто неизменное, но нечто находящимся в постоянной эволюции, которая зави-

сит от множества причин. Этот «русский дух» малозаметен в науках, изучающих *природу*, он весьма зрим в науках, исследующих нравственный и общественный мир человека, который формирует в нем всё, в особенности *его мышление*. Обобщая поистине огромный историографический материал об упомянутых науках, добытый им из литературы почти на всех европейских языках, Кареев приводил своих слушателей, а затем и читателей к неоспоримому заключению: каждый народ имеет свои, более или менее *своеобразные точки зрения* на явления нравственного и общественного мира: они господствуют (если им не мешают!) во всей его жизни, они сказываются и в науке, сообщая ей *известное направление* (с. 3). Таков коротко смысл слов Кареева «дух русской науки» – это еще и известное направление.

[2] В чем Кареев видел своеобразие русской науки? Да в том, что «злоба дня» выдвигалась в ней на первый план. И это действительно так: крупнейшие исследования российских ученых по истории европейских народов предпринимались ими с целью выявления *опыта*, чтобы его использовать для решения русской «злобы дня». К тому же его изучение представителями русской науки осуществлялись с позиций «многостороннего подхода», что позволяло им достигать более объективных результатов, чем их западным коллегам.

[3] Исходя из этих и других постулатов, Кареев смотрел, преодолевая густую завесу времени, с оптимизмом на будущее русской науки. Русская наука в будущем способна понять и теоретически воспроизвести ход «нормального развития» своей страны, хотя это в XIX в. есть идеал, *мечта*, а не историческая *правда*, но мечта эта *правдоподобна* (с. 17-18). Русская наука вносит в мировую науку свои идеи, но она не должна сводить всю её только к одним ним. Русская наука менее всего должна быть исключительной, что позволит ей сделаться оригинальной. Время показало: оптимизм Кареева оказался несколько преувеличенным.

Н. С. Кареева (Казанский ГУ)

Н. И. Кареев и методологическое наследие немецкого идеалистического историзма середины XIX века

Немецкий идеалистический историзм имел широкое распространение среди историков не только немецких (Л. Ранке, И. Г. Дройзен и др.), но и русских. Основным каналом, по которому осуществлялось его влияние, была методология истории. Российские историки в своем подавляющем большинстве в первой половине XIX в. являлись прямыми последователями немецкой «школы Ранке». Начиная со второй половины XIX в., российские ученые, став полноправными коллегами европейских ученых, внесли особый вклад в развитие научно-исторической мысли.

Н. И. Кареев являет собой знаковую фигуру в российской исторической науке. Он не мыслил предметы своих исследований без теоретико-познавательных, философско-исторических и социальных обоснова-

ний, и важным результатом его научного поиска стала выработка собственной философской позиции. Его историсофское наследие является не просто интерпретацией уже обработанного эмпирического материала. Историк отмечал, что всегда старался синтезировать имеющиеся достижения (см.: Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 18). Кареева обвиняли и в эклектизме, и в том, что он не принимал одно из доминировавших в тот или иной период учений, а говоря его словами, «старался соединить вместе отдельные элементы разных теорий, в том числе противоречивых» (там же). «Каждую [школу – Н. К.] ... я нахожу одностороннею и вместе с тем в каждой все-таки вижу долю истины», – отвечал Н. И. Кареев на критику. Стремясь создать свою собственную теорию, он считал, что нужно «все, что начато и не окончено», довести до логического завершения, чтобы в основу создаваемой теории положить «достаточно широкий синтез положительных истин, добытых прежними теоретиками истории...» (там же. С. 19).

Идеалистический историзм, возникший на немецкой почве, не только был широко воспринят и переработан историком, но и подвергнут критике. Последнее послужило основанием для того, что в советской историографии сложилась традиция не считать русского историка наследником немецкого идеализма. Но изучение наследия Кареева не вменялось в заданную схему. Было установлено такое своеобразие концепции ученого, как сочетание трансцендентального априоризма с принципом историзма. В нем, историке-объективисте обнаружили защитника «законного» субъективизма. Полное беспристрастие, безразличие к анализируемым фактам он не считал достоинством историка, но ученый решительно выступал против «незаконного» субъективизма, выраставшего, по его мнению, из радикального консерватизма, узкого национализма, из чрезмерного почитания исторических традиций, пренебрежения правами, интересами и стремлениями личности, из враждебного отношения к прогрессу.

Идею прогресса Н. И. Кареев считал одной из главных идей истории. На вопрос «зачем изучать всемирно-исторические процессы?» Кареев отвечал: чтобы двигаться к «лучшему будущему всего человечества» (Общий ход всемирной истории. Заокский, 1993. С. 13). Русский историк верил в закономерность всех явлений; проводя параллель с законосообразностью явлений в природе, он считал, что необходимо эти законы выявлять и в истории (см.: Историология. Пг., 1915. С. 37). Однако с идеей существования особого плана в истории, Н. И. Кареев был не согласен и критиковал классиков немецкого идеализма, желавших найти главный закон истории (см.: Теория исторического знания. С. 67.)

Н. И. Кареев активно применял диалектический метод Гегеля, который он считал одним «из самых блестящих открытий» (Основные вопросы философии истории. М., 1883. Т. 2. С. 355). В толковании понятия «всемирной истории» он идет также в след за Гегелем. Он не называл всеобщую историю историей зарубежных стран, это было для него сложное многоуровневое историсофское понятие: «между наро-

дами устанавливается известная историческая преемственность и таким образом над суммой частных историй возникает история общая, универсальная, всемирная» (Общий ход всемирной истории. С. 6-7). Отсюда Н. И. Кареев выводил задачу историка: «в науке главное – не это соединение разрозненных элементов в единое живое восприятие, а наоборот, анализ, разложение предмета на его составные части, разъединение составляющие его элементов, хотя бы потом все это и собиралось снова воедино» (Теория исторического знания. С. 57).

Н. И. Кареев сделал синтез одним из своих методов поиска исторической истины, он переработал множество положений, выдвинутых идеалистами, подвергнул их критике, и выдержавшие эти испытания достижения человеческого разума вошли в историософию русского историка. Как доказал Ю. Г. Коргунюк, Н. И. Кареев прошел путь, начатый, но не законченный позитивистами, во многом благодаря тому, что у него был ориентир, заданный немецкой философией истории – концепция всемирной истории, которая, в свою очередь, позволила ему создать свою историософию (см.: Коргунюк Ю. Г. Разработка вопросов методологии истории в творчестве Н. И. Кареева. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1990).

В. В. Лукоянов (Нижегородский ГПУ)

Н. И. Кареев и позитивистская философия истории

В настоящих тезисах мы коснемся лишь одного, но чрезвычайно важного аспекта теоретического наследия Н. И. Кареева – его отношения к традиционной позитивистской философии истории. Последняя для него, естественно, прежде всего была связана с именем О. Конта. В качестве основного источника обратились к соответствующим статьям Кареева, написанным им для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. То обстоятельство, что статьи энциклопедии, связанные с философией и методологией истории принадлежат именно ему, подчеркивает исключительный «вес» Кареева в этих вопросах в глазах научного сообщества рубежа XIX–XX вв.

Н. И. Кареев не был «убежденным эволюционистом» как его нередко представляли в отечественной историографии. Идея прогресса занимала одно из центральных мест в его теории исторического процесса, содержание прогресса у него видоизменялось, но его основной движущей силой, по его мнению, всегда выступала борьба нового со старым. Именно от результатов этой борьбы и зависит прогрессивный или регрессивный ход истории человечества. С этой точки зрения он резко критикует «плоский эволюционизм» О. Конта применительно к истории: «Конт вносит в историю понятие эволюции: вся его философия истории представлена в виде естественной эволюции, планомерного процесса. Мы видим, что в действительности история не была такой эволюцией <...> история вся слагается из эволюции и кризисов». Всемирная история, по

Карееву, представляется как чередование этих процессов, при этом «чем менее прогрессировало общество, тем смертельнее бывает кризис».

Более того, социальная динамика Конта не есть общая теория общественной эволюции, она всего лишь «философский обзор истории человечества». Главный недостаток этого теоретического построения, считает Кареев, состоит в том, что он подогнан к некоей априорной формуле по отношению к действительному ходу исторического процесса. И здесь Кареев усматривает явное сходство Конта с философией истории Гегеля и его пресловутой триадой. Впрочем, его не устраивает и «экономический материализм» Маркса и Энгельса, согласно которому «объяснения эпохи нужно искать не в её философии (или не в головах людей), а в её экономике (или в состоянии производительных сил общества)». И в том, и в другом случае основания теоретического подхода совершенно одинаковы.

Проблема, по мнению Кареева, заключается в другом. Так называемое «единое человечество» не существует как факт какого-то внешнего научного опыта и не может быть сведено к нему: «<...> понятие о таком человечестве не могло быть добыто наукой как её разумел Конт». Конту не достаёт установления собственно философской точки зрения на все явления окружающей действительности. Философия не есть простое продолжение и расширение области специальных наук, Конт исходит из совершенно ложного понимания самого понятия «явление». Он, безусловно, ошибался, считая, что идея прогрессирующего человечества может заменить идею абсолютного существа. Для самого Кареева философия истории есть некий деонтологический тип знания об обществе, наряду с феноменологическим и номотетическим типами знаний. Иными словами, как интегрирующий тип исторического знания, она одновременно опирается на историографию, историологию и историософию.

Н. И. Кареев настаивает на чётком разграничении философии истории и позитивистской социологии и в том плане, что первая обозревает действительную историю человечества с некоей философской высоты, а вторая – исследует законы его развития. Таким образом, «задача философии истории синтетическая, задача социологии – аналитическая». Сущность философии истории состоит в «суде над историей» с позиций «научных гарантий», «исторической мудрости» и «законного субъективизма». Кареев, как известно, был противником самого понятия «исторические законы», считая, что последние следует «отнести к области химер». Историческая закономерность если и может проявляться в развитии общества, то не более как «нечто общее и повторяющееся» в жизни отдельных народов.

Наконец, Н. И. Кареев предлагает собственное понимание социологии как общей науки о природе и генезисе человеческого общества, об основных его элементах, факторах и силах, об их взаимоотношениях, наконец, о характере процессов, совершающихся в обществе. Резюмируя этот краткий обзор, ещё раз обратим внимание на самостоятельность и оригинальность взглядов Кареева по отношению к позитивистской философии истории.

**Исследования Н. И. Кареева по истории парижских секций
эпохи Французской революции конца XVIII в.
в оценках его современников**

Более двухсот лет отделяют нас от того времени, когда началась Французская революция, ставшая по своему значению действительно Великой. Историки разных стран по сей день пытаются осмыслить этот феномен, оказавший влияние на последующее развитие европейской цивилизации.

Интерес к революции во Франции конца XVIII в. постоянен, но особенно обостряется он в переломные эпохи. Это в полной мере можно отнести и к отечественной историографии, выдающимся представителем которой был Н. И. Кареев (1850–1931). Франция, а особенно Революция – излюбленная тема исторических исследований Кареева, которой он занимался всю свою жизнь.

После Первой русской революции 1905–1907 гг. Кареев, будучи уже известным специалистом в исследовании истории Европы нового времени, берется за изучение истории парижских секций – избирательных участков, просуществовавших с 1790 по 1795 г. Обращение к этому малоизученному сюжету было не случайным. Во-первых, именно в Париже было сконцентрировано все, чем отличалась революционная эпоха. Во-вторых, в России начала XX в. очень остро стоял вопрос о создании эффективной системы местного самоуправления. «Пришло время, когда должны быть проведены существенные реформы земств [...] едва ли нужно объяснять важность такого движения», – писал тогда П. Г. Виноградов (*Vinogradoff P. Growth of Provincial Self-Government // Times. Russian Supplement. 1915. April 26*).

Время пришло, и Кареев с энтузиазмом начал взбираться на новый «исторический Эверест», тем более, что ему удалось сделать несколько командировок в Париж (в 1910–1911 г. и 1914 г.), где он обнаружил целый пласт секционных материалов, не видевших глаз пытливого исследователя.

Первый этюд о парижских секциях появляется в 1911 г. («Парижские секции времен Французской революции (1790–1795)»). По содержанию – это обзор, представляющий собой обозначение направлений будущих изысканий историка. На него вышли сразу три рецензии, авторами двух из них были Е. В. Тарле (1874–1955) и А. К. Дживелегов (1875–1952).

Примечательно, что Н. И. Кареев и Е. В. Тарле тщательным образом следили за научной деятельностью друг друга. В 1911 г. выходит рецензия Кареева на фундаментальный труд Тарле «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (*Русское богатство. 1911. № 5. С. 1-34; № 6. С. 1-24*). А в 1912 г. Е. В. Тарле с энтузиазмом встречает первую

публикацию Кареева по истории столичных секций, указывая не только на важность историографического анализа, содержащегося в этюде, но и на значение его приложений, которые «повышают ценность отмеченного труда» (Русская мысль. 1912. № 12. С. 431).

Внимание современников Н. И. Кареева особенно привлекли публикации архивных документов секций, которые выходили как отдельными изданиями, так и в приложениях к этюдам. «В этих уцелевших бумагах парижских секций Н. И. Карееву очень посчастливилось... Он нашел и напечатал очень характерные документы», отмечал Е. В. Тарле (РМ. 1912. № 12. С. 431). Критики высоко оценили уникальность источниковой базы исследований Кареева: документами секций «не пользовались ни Тэн, ни Олар, ни Жорес» (Вестник Европы. 1913. № 12. С. 412), а ведь они давали возможность почувствовать атмосферу той жизни, то, чем дышали парижане и вся Франция в ту эпоху.

Коллеги особо подчеркивали научную новизну работ Кареева по истории парижских секций. В. П. Бузескул (1858–1931) писал: Н. И. Кареев «пришел к заключению, что вандемьерское восстание, вызванное фрюктидорскими постановлениями Конвента, не было роялистическим, как обыкновенно думают», а «разбор петиции Жака Ру и секции Гравилье привели его к мнению, что эта петиция неправильно считалась коммунистическою» (Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX – начале XX вв. Ч. I. Л., 1929. С. 166–167).

Следует отметить, что этюды Кареева были оценены не только отечественными, но и зарубежными коллегами. Две рецензии на работы Кареева по истории революционных комитетов секций и на публикацию неизданных документов по истории секций вышли в Германии и во Франции (Frankfurter Zeitung. 1913. № 95; Annales Révolutionnaires. 1914. Janvier). Особенно значимым было признание работ Кареева во Франции в «Annales Révolutionnaires», ведущем в то время журнале, редактором которого был А. Матъез.

Историей парижских секций Кареева, как видим, интересовались не только видные российские историки – его коллеги, но и известные зарубежные ученые, занимавшиеся Революцией во Франции конца XVIII в. Современники отмечали научную ценность изысканий Н. И. Кареева по истории секций Парижа. По мнению коллег Кареева, ему удалось продемонстрировать не только важность изучения феномена секционного движения в Париже эпохи Великой революции, но и по-новому взглянуть на казалось бы уже давно решенные историографические проблемы революции. Кареев задумал объемное исследование по истории парижских секций, но развернувшиеся события в мире и России после сараевского убийства, не позволили ему сделать это. Однако и то, что ему удалось сделать, – ценное приобретение отечественной историографии.

Н. И. Кареев о британском парламентаризме

Н. И. Кареев (1850–1831) не только теоретически рассматривал проблемы конституционализма, гражданского общества и правового государства, но и пытался практически содействовать буржуазно-демократической модернизации российского самодержавия начала XX в. Политическая программа Кареева повлияла на то, что значительное место в своих исторических исследованиях он уделил анализу эволюции британского парламентаризма, который рассматривал в качестве основы современных ему политико-правовых форм. «Все современные конституции, – полагал он, – как бы они не отклонялись в ту или другую сторону, этим своим образцом или прототипом, имеют государственное устройство Англии» (Происхождение современного народно-правового государства. СПб., 1908. С. 440).

Длительное формирование парламентских механизмов в Великобритании, прочно укоренившееся представление о монархии как о компоненте и инструменте парламентаризма превращали ее государственный механизм в динамичную систему, способную эволюционировать в направлении буржуазной демократии. «Из главных стран Европы, – писал Кареев, – одна Англия не знала ни феодального раздробления с расхищением верховной власти сеньорами, ни королевского абсолютизма с устранением общественных сил от участия в государственных делах. В Англии средневековая сословная монархия постепенно перешла в новую монархию конституционную...» (Общий ход всемирной истории. Заокский, 1993. С. 384). Историк подчеркивал огромное значение политической активности английского народа, его стремление к правопорядку, которые формировались в условиях длительного культивирования ценностей парламентаризма и политической свободы.

Анализируя основополагающие принципы британского конституционного порядка, Кареев отмечал важность имевшего глубокие традиции самоуправления, ставшего в конечном итоге фундаментом развитых парламентских институтов, средством вовлечения имущих слоев населения в политическую жизнь. Указывая на специфику социально-политических процессов, происходивших в Великобритании, Кареев полагал, что в XIX в. британское общество развивалось в общеевропейском русле. В связи с этим ускорение социально-экономического развития требовало реконструкции парламентского представительства, заставшего «...в тех формах, которые выработались к исходу средних веков» (История Западной Европы в новое время. СПб., 1908. Т. V. С. 73).

Глубинной причиной реформирования системы представительства стало то, что промышленный переворот выдвинул английскую буржуазию на лидирующие позиции в экономике, повысил роль рабочего класса. Опорой этих слоев британского общества становились динамично развивавшиеся города, которые при этом были практически ли-

шены представительства в палате общин британского парламента. Уничтожение политического бесправия буржуазии и рабочих становилось главным стимулом реформы избирательного права (см.: История Западной Европы... Т. V. С. 74-75). При этом Кареев указывал на наличие серьезных противоречий между рабочими и буржуазией, на склонность последней к компромиссу с аристократией. В числе причин расширения избирательного права историк называл и реакцию правящей элиты Великобритании на обострение социально-политической ситуации в континентальной Европе, прежде всего, во Франции.

Реформа избирательного права 1832 г., допустившая к избирательным урнам представителей буржуазии и оставившая за рамками электората рабочих, стала первым шагом на пути демократизации системы представительства. Кареев подчеркивал весьма ограниченный характер этой меры, ибо средневековые основы избирательной привилегии были лишь несколько завуалированы ее распространением на незначительный слой буржуазии, олицетворявшей собой новый облик страны.

Несмотря на недостатки реформы, появление депутатов от буржуазии в палате общин сделало ее более эффективным инструментом парламентского механизма. Кареев справедливо указывал на то, что «...палата общин после 1832 г. гораздо более стала соответствовать общественному настроению и вернее выражать общественное мнение» (Происхождение... С. 311). Однако не стоит забывать, что интерпретатором этого общественного мнения в легитимных формах оставалась политическая элита страны, покоившаяся и после первой избирательной реформы на альянсе аристократии и крупной буржуазии.

Следует подчеркнуть, что Кареев рассматривал начавшуюся модернизацию британского избирательного права как один из компонентов западноевропейского политического процесса в целом, в основе которого лежали новые буржуазные социально-экономические реалии. Расширение избирательного права, осуществленное в ходе реформы 1832 г., по мнению Кареева, стало «...перенесением власти от высших классов общества на средние» (там же. С. 432). Последнее обстоятельство нашло свое отражение в реорганизации местного самоуправления, осуществленной в 1835 г., что, по нашему мнению, демонстрировало общие принципы функционирования британской представительной системы всех уровней, ее единую природу и внутреннюю обусловленность.

Оценивая значение парламентских реформ 1867 и 1884–85 гг., продолживших начатый в 1832 г. процесс, Кареев полагал, что они приблизили Англию «...к порядку всеобщего избирательного права, хотя вследствие связи права голоса в Англии с жилищем, а не с лицом в 1885 г. в стране все-таки насчитывалось около 1800000 взрослых мужчин, лишенных избирательного права» (Происхождение... С. 429). Распространение избирательного права на значительную часть городских и сельских жителей вновь повлекло за собой изменения на местном уровне.

В целом, Кареев высоко оценивал эволюционную составляющую британского внутривнутриполитического процесса. «В Англии, – писал он, – за

демократию выборов велась долгая и упорная борьба, но в то время, как на материке политические перемены создавались сразу революциями, – не исключавшими, впрочем, контрреволюций с возвращением вспять, – в Англии перемены подобного рода совершались постепенно и очень медленно, но зато и крепче упрочивались в жизни» (там же... С. 423).

И. Е. Лыскова (Академия государственной службы
Республики Коми, Сыктывкар)

Самообразование русской молодежи конца XIX – начала XX вв. и Н. И. Кареев

В конце XIX – начале XX вв. широкое распространение в кругах школьной и студенческой молодежи России получили идеи ценности самообразования. Представители прогрессивной научной мысли П. Н. Милуков, А. А. Кизеветтер, А. И. Богданович, А. И. Ефрон, Н. И. Кареев и другие признавали важность этого общественного явления. Особую популярность получила образовательная концепция Н. И. Кареева, отражающая ключевые проблемы образования, самообразования и формирования мировоззрения учащейся молодежи России (см.: Письма к учащейся молодежи о самообразовании. СПб., 1894; Беседы о выработке мирозерцания. СПб., 1895; Мысли об основах нравственности. СПб., 1895; Мысли о сущности общественной деятельности. СПб., 1985; Выбор факультета и прохождение университетского курса. СПб., 1987; Идеалы общего образования. СПб., 1901 и др.).

Стремление учащейся молодежи к самообразованию Кареев называл одним из «весьма важных культурных явлений современности». Значение самообразования определялось тем, что средняя и даже высшая школа не в состоянии удовлетворить в полной мере индивидуальные научные интересы молодежи. Одним из признаков правильной организации научного преподавания Кареев считал приобщение учащихся к самообразованию, под которым он понимал образование, приобретаемое «вне какой бы то ни было школы, путем самостоятельного изучения отдельных наук». Наиболее доступным способом самообразования являлось чтение научной литературы. Кареев подчеркивал, что курс систематического самообразовательного чтения учащейся молодежи, подобно среднему и высшему образованию, должен отличаться философским, идейным содержанием.

О популярности образовательной концепции свидетельствуют многочисленные письма молодежи к Н. И. Карееву (Институт Русской литературы. Отдел рукописей. Ф. 422. Д. 11).

Знакомство с упомянутыми архивными документами позволяет убедиться, что возможность школьной и студенческой молодежи заниматься самообразованием во многом зависела от ряда объективных и субъективных факторов. Во-первых, основополагающей в этом отно-

шении была общая тенденция развития системы народного образования России того времени. Возможность самообразования молодежи определялась наличием учебных заведений и других образовательных учреждений в той или иной местности. Естественно, что в наиболее выгодном положении оказывались крупные города и территории, к ним примыкающие. Во-вторых, значительное место в деле организации самообразования молодежи занимали проблемы сословной принадлежности и материального благосостояния, поскольку именно они обеспечивали формальное право получать образование государственного стандарта. В-третьих, немаловажное значение имело отношение администрации учебного заведения к стремлению учащейся молодежи не ограничивать свои научные познания рамками школьной программы. В-четвертых, организация данного образовательного процесса напрямую зависела от социального статуса лиц, занятых самообразованием (студенчество, учащиеся средних учебных заведений, военнослужащие, политссылные и т.д.) и материально-бытовых условий, в которых осуществлялось это мероприятие. Наконец, нельзя было не учитывать и субъективный фактор, который зачастую превалировал над перечисленными выше, – личное стремление молодых людей заняться интеллектуальным самосовершенствованием, основанное на индивидуальных способностях и научных интересах. Как правило, именно субъективный момент выступал в роли главного мотива, побуждающего школьную и студенческую молодежь к занятию самообразованием.

В противовес Карееву наиболее консервативные деятели рассматривали самообразование как ненужный элемент в системе школьного образования молодежи, ведущий к вольнодумству. Главной целью общего образования и самообразования, в частности, Кареев считал формирование научного, нравственного и социального мировоззрения учащейся молодежи. Для характеристики мировоззренческого процесса ученый предпочитал использовать особый термин – «выработка мирозерцания». Тем самым ученый подчеркивал активный характер приобретения философских, научных, нравственных и общественных воззрений, определяющих мирозерцание человека. Идеалом общего образования, по мнению Кареева, являлась выработка «цельного, полного и стройного» мирозерцания.

Со временем многие идеи Кареева и его коллег по вопросам образования и самообразования получили всеобщее признание. Сегодня, когда значимость образования неуклонно возрастает, когда основными задачами развития системы российского образования признаются задачи успешной социализации и эффективной самореализации учащихся и на первый план выдвигаются идеи о направленности образования на удовлетворение индивидуальных интересов, формирование и развитие личности, научно-педагогические взгляды Кареева, по-прежнему, актуальны.

**In memoriam: некрологи Н. И. Кареева
как дополнительный источник к биографии историка**

Существующие на сегодняшний день жизнеописания российского ученого-гуманитария Николая Ивановича Кареева (1850–1931) обычно строятся на основе его мемуаров «Прожитое и пережитое», между тем есть и другие свидетельства, которые могут дополнить его биографию.

В литературе о Карееве утвердилось мнение, что его «смерть не была отмечена ни единой газетной строкой». Поиск в эмигрантской периодике привел к обнаружению двух некрологов – П. Н. Милокова, опубликованного в газете «Последние новости» (Париж), и Т. С. Варшер – в газете «Сегодня» (Рига). Оба текста объединяют время создания и авторская интенция: почтить память Кареева, скончавшегося в 1931 г.

Имя П. Н. Милокова (1859–1943) не нуждается в представлении. Несмотря на разнообразие коммуникативных пространств обоих историков, количество точек их пересечения, зафиксированных в источниках, невелико. В «Прожитом и пережитом» Милоков упоминается трижды, да и то в связи с другими лицами. Известно, что писавшиеся в 1920-х гг. мемуары Кареев готовил к публикации и, видимо, лишний раз называть Милокова, эмигранта, занявшего активную антисоветскую позицию, было крайне нежелательно. Однако и в написанных в более свободных условиях «Воспоминаниях» Милокова Кареев фигурирует также эпизодически. Нами зафиксирован всего один случай рецензирования – отзыв Милокова о диссертации Кареева «Основные вопросы философии истории». Эта рецензия упоминается Милоковым и в некрологе, и в «Очерках по истории русской культуры», которым, в свою очередь, Кареев посвятил отдельный параграф в «Основах русской социологии».

В некрологе содержится информация, не отраженная в «Прожитом и пережитом» и «Воспоминаниях». Автор подчеркивает давнее дружественное знакомство с Кареевым, восхищается изумительной начитанностью и трудоспособностью Кареева, отмечает его умение «интересоваться молодежью и вносить в отношения с ней живую струю». В очерке приведены впечатления студента Милокова от слушания курса Кареева по истории Европы XIX в. в бытность того сторонним преподавателем в Московском университете. Оценивая депутатство Кареева в I Государственной думе, Милоков верно высказался в том смысле, что оно «не изменило основной линии его общественной карьеры» – профессорской деятельности. Говоря о жизни Кареева в большевистский период, автор некролога отметил, что покойному удалось избежать публичных покаяний, торжественных отречений от «буржуазной идеологии» и «священных клятв на ленинской библии».

Автор второго некролога Т. С. Варшер (1880–1960) менее известна нынешнему читателю. Рано осиротев, она была взята на воспитание в семью московского профессора М. С. Корелина, где и произошло ее зна-

комство с Н. И. Кареевым. Участие семьи Корелиных, а затем и Кареевых позволило ей получить достойное образование и в конечном итоге состояться как личности и как профессиональному ученому. Обучаясь на Бес-тужевских курсах, она стала преданной ученицей выдающегося российского историка М. И. Ростовцева, именно его блестящие лекции и пробудили у Варшер глубокий интерес к античности и археологии.

В 1921 г. Варшер навсегда покинула Россию и уехала сначала в Берлин, а затем в Рим, устроилась в немецкий Археологический Институт, где занималась археологией Помпей. Она была хорошо знакома с Милюковым, ей посвятила стихотворение З. Гиппиус. Известная прежде всего благодаря трудам по истории и археологии, Варшер была популярным и плодовитым эссеистом и фельетонистом, автором нескольких искусствоведческих статей и с 1921 г. долгое время была римским корреспондентом рижской газеты «Сегодня», где и был опубликован очерк «Последние годы Н. И. Кареева при большевиках».

Некролог воспроизводит подробности частной и публичной жизни Кареева, отсутствующие в «Прожитом и пережитом»: об отношении историка к изучению греко-римского мира и о контактах с российскими историками (М. И. Ростовцев). Варшер повествует о состоянии Кареева после изгнания его из Петербургского университета и раскрывает мотивы, побудившие его к написанию гимназических учебников. Как и Милюков, упоминает о депутатской деятельности Кареева, передавая его отчаяние в день роспуска Думы, выраженное фразой: «Пугачевщину устраивают». Кроме этого, она называет участников торжественного празднования 40-летия ученой деятельности ученого: П. Н. Милюкова, В. Д. Набокова, А. А. Кауфмана, Ф. Ф. Зелинского. Важную информацию несет в себе повествование о жизни Кареева после 1917 г.: «Тяжко переживал Н. И. большевицкий переворот». В сюжете об отъезде Варшер за границу приведено высказывание, характеризующее отношение историка к новому режиму.

Таким образом, некрологи являются ценным источником к биографии Кареева, позволяющие выявить неизвестные ранее обстоятельства жизни историка, его отношение к большевистскому режиму, а также уточнить круг его коммуникантов.

С. Л. Егорова (Сыктывкарский ГУ)

В. А. Бутенко – последователь кареевской концепции цивилизационного процесса

Вступление в историческую науку В. А. Бутенко (1877–1931), известного в свое время специалиста по истории французского либерализма эпохи Реставрации, совпало по времени с расцветом отечественной новистики.

С проникновением в Россию социологических идей О. Конта обозначился переход исторической науки от изучения политических фактов

к анализу процессов общественного развития. Ученые заинтересовались государственными учреждениями и социально-экономическими отношениями, стали отслеживать эволюцию общественных форм, выяснять взаимодействие различных сторон жизни социума. Их интерес к общности хода развития отдельных западноевропейских народов сказался на проблематике исследований: анализ крупных событий, которые пережил романо-германский мир. Характерными чертами отечественной новистки постепенно стали социологический подход к задачам исторического исследования и преобладание всемирно-исторической точки зрения.

Обозначенную Н. И. Кареевым цель философии истории – представлять всемирно-исторический процесс с позиции всеобщности и преемственности – его ученик В. А. Бутенко вполне реализовал в своих работах: учебнике «Курс новой истории» (1915), историографическом обзоре «Наука новой истории в России» (1922), многочисленных рецензиях, где рассматривал узловые события – Возрождение, Реформацию, абсолютизм, Просвещение, Великую французскую революцию, либерализм – как важнейшие вехи общечеловеческой истории.

В концепции В. А. Бутенко «новое время» – закономерная стадия всемирно-исторического процесса, эпоха выработки нового светского и религиозного мирозерцания, новых форм экономического и политического строя, начало нового периода в международных отношениях. Потому критерии хронологического выделения «нового времени» В. А. Бутенко искал в качественных переменах в культурном, экономическом и политическом мире, поддержав традицию рассматривать за исходный рубеж новой эпохи не определенное событие, а значимые сдвиги во всех сферах жизни европейской цивилизации. В основе ее развития историк видел мощное и всеохватное движение умопросвещения – «гуманистический толчок» (выработка научного мирозерцания и идея освобождения личности).

Изменениями условий духовной и экономической жизни историк объяснил перемену в расстановке сил между властью и обществом: по всей Европе шел процесс централизации и создания сильных национальных государств. В результате установились сходные формы государственного и общественного быта, впоследствии получившие название Старый порядок. Против его основ и выступит Просвещение – новый духовный переворот, ставший продолжением «гуманистического толчка».

Зависимость политических форм от умственных условий В. А. Бутенко ясно выразил, показав генетическую связь «века Просвещения» с историческим периодом, известным в историографии как «просвещенный абсолютизм», с природой Великой французской революции.

Естественным порождением эпохи Просвещения и Революции станет, в представлении В. А. Бутенко, эпоха европейской реакции, общий дух которой присутствовал во всех сферах жизни европейского общества.

В развитии европейской цивилизации В. А. Бутенко интересовало, прежде всего, формирование нового подхода к восприятию духовного и социального мира. И в умпросветительских движениях, и в европей-

ских революциях его занимала именно эта сторона – выработка либеральной концепции гражданского общества, ставшая, по мысли историка, одним из главных итогов нового времени. В культурной сфере это выразилось в утверждении нового мирозерцания, в политической области – в стремлении к представительному образу правления, в экономике – в торжестве капиталистического хозяйства. Либерально-демократические идеи, как выяснил историк, гармонично сочетались и с национально-освободительным движением.

В концепции В. А. Бутенко народы Европы объединены в едином историческом процессе, и будущее их он видит в рамках одного сообщества: «...Чем дальше развивается человечество, тем сильнее становится взаимодействие отдельных стран и народов, тем более отдельные национальные цивилизации сливаются в одну общеевропейскую цивилизацию, позволяющую говорить об истории Европы, как об одном неразрывном целом». Историческую роль новоевропейской цивилизации В. А. Бутенко выводил далеко за пределы ее географии. Мысль историка о её всемирном значении в полной мере подтвердила история XX столетия.

Как видим, В. А. Бутенко в продолжение мысли Н. И. Кареева об «общем ходе всемирной истории» представил на конкретно-историческом материале свое концептуальное видение задач изучения истории. Задача социологическая (изучение «движения человеческого общества») выразилась в анализе роли умственных «толчков» в социально-политическом и культурном мироустройстве европейской цивилизации. Задача частно-историческая решала вопрос особенностей развития европейских стран. Задача историко-философская выразилась в изображении общего хода развития европейского мира.

И. Б. Липницкая (Сыктывкарский ГУ)

Н. И. Кареев – Н. П. Соколов: проблема преемственности

Отечественная историография богата именами выдающихся учёных-историков. Многие из них основали свои научные школы, продолжателями которых стали их ученики. Одним из мощных сообществ историков России в конце XIX – начале XX вв. была научная школа по новистике Н. И. Кареева (1850–1931). Одним из последних его учеников стал Н. П. Соколов (1890–1979), будущий профессор Горьковского государственного университета.

Будучи выходцем из семьи сельского псаломщика, он с большой долей вероятности должен был бы избрать для себя уже проторенный его предками жизненный путь священнослужителя. Поначалу казалось, что так всё и произойдёт. Он окончил приходскую школу в селе Мармыжи Княгининского уезда Нижегородской губернии, затем продолжил обучение сначала в Арзамасском духовном училище, а после – в Нижегородской духовной семинарии. Но осенью 1910 г. Соколов оставляет дорогу, столь близкую его семье, и отправляется в малоросский

Нежин, где поступает в местный историко-филологический институт им. князя Безбородко на историческое отделение. Успешное окончание института летом 1914 г. позволило Соколову поступить в магистратуру Петербургского университета. Руководство его научными поисками начал осуществлять проф. Н. И. Кареев. Направлением научных изысканий Соколова стали общественно-политические взгляды А. Р. Ж. Тюрго. Этой же теме Соколов посвятил свою кандидатскую диссертацию, которую блестяще защитил 10 декабря 1943 г. в Казанском государственном университете. Тут будет уместно сказать, что председателем диссертационного совета был академик Е. В. Тарле, который восхитился исследованием и диссертантом, воскликнув: «Откуда у нас такая жемчужина?!». По словам самого Кареева, Соколов, посещавший его повышенный семинар, был слушателем «...очень дельным и работающим, хорошо подготовленным к научной деятельности...», «...В Соколове я видел... будущую научную силу».

Известен тот факт, что Соколов ещё до обучения у Кареева совершил поездку в германский тогда Эльзас для совершенствования знаний во французском и немецком языках. В дальнейшем одним из главных требований Соколова-преподавателя было знание студентами источников, тщательное изучение работ предшественников. Ученики Соколова вспоминают, что он был нетерпим к верхоглядству в науке, стремился сохранить систему, уровень языковой подготовки классического университета по древним языкам, что лекции его были не слишком яркими, но добротными. Его нововведения в преподавании остались в памяти всех, кто у него обучался: «...курс по истории ранней христианской церкви стал для нас открытием, Николай Петрович использовал литературу, которая при советской власти не издавалась...». Вообще же если говорить о методике преподавания истории, о спецкурсах и спецсеминарах, то необходимо указать, что Соколов создал многочисленные методические разработки, программы спецкурсов и спецсеминаров, подавляющее большинство из которых актуальны и допустимы в работе преподавателей высшей школы и по сей день.

Н. И. Кареев был не только учёным и общественным деятелем. Он, помимо других своих талантов, был одарённым преподавателем, передавшим свои умения и знания своим ученикам. По методическим разработкам проф. Соколова и воспоминаниям его коллег становится ясно, что в теории исторического знания он, очевидно, шёл за своим учителем. Речь здесь идёт не о методологии исторического знания, а о методах исторического исследования. Кроме того, нельзя также сказать, что Соколов явно использовал в своей работе положения школы по новистике Кареева, хотя и некоторые из них, безусловно, им применялись. Отметим также, что Соколов неоднократно ссылаясь на своего учителя в вопросах преподавания.

Особенно сильное впечатление на студентов производили лекции Соколова. Своей предельной чёткостью, логикой изложения материала и степенью доказательности версий и гипотез, артистизмом в подаче мате-

риала он просто завораживал. Однажды в неформальной обстановке кто-то восхищённо сказал, что В. Г. Бабаев читает все лекции без конспектов. На это Соколов тут же возразил: «А вот мой научный руководитель проф. Кареев всегда имел при себе конспект, поскольку считал, что лекция – это не монолог “отца Гамлета”, а способ научного общения с аудиторией. По ходу её всегда возможны вопросы и ответы, вследствие которых не всегда возможно вспомнить сразу мысль, на которой ты остановился и о чём говорить дальше. А такие вещи лектору не прощают».

Анализируя научную и преподавательскую деятельность Соколова и преемственность между учителем и учеником, необходимо отметить, что те качества, которыми запомнился Соколов-учёный и Соколов-педагог своим коллегам и ученикам – высокая научная добросовестность, внимательное отношение к источникам и предшествующей историографии, разнообразие методов исторического исследования, – он воспринял именно от своего учителя, Кареева, показавшего будущему профессору личный пример того, каким именно образом должен работать историк. В полной мере эти качества раскрылись в Соколове уже на склоне его жизни, особенно в его исследовании, посвященном образованию Венецианской колониальной империи, за которое он был в 1954 г. удостоен высокой научной степени доктора исторических наук.

О. И. Зезегова, Т. В. Павлова (Сыктывкарский ГУ)

Переписка Н. И. Кареева и В. А. Мякотина как исторический источник

Современная историография обогащается трудами, в которых исследована научная судьба ее творцов. Одним из важных источников для восполнения жизненной и научной биографии историка являются письма. Это один из ценнейших источников, анализируя которые можно «погрузиться» в эпоху, ощутить её аромат, познать не только внутренний мир человека, но и его научные поиски, душевные переживания.

В этом ряду особый интерес представляет переписка ученых, осмысливавших в письмах и события, происходившие в стране на их глазах, и размышлявших над проблемами науки, будоражившими исследователей в то время.

В нашем распоряжении оказалась переписка историков двух поколений. Четырнадцать писем Н. И. Кареева (1850–1931), адресованные В. А. Мякотину (1867–1937), были переданы дочерью последнего Еленой Венедиктовной Мякотиной-Каплан в ноябре 2008 г. на конференции в ИВИ РАН проф. В. П. Золотареву. А в отделе рукописей РГБ были обнаружены двадцать писем В. А. Мякотина Н. И. Карееву, написанные в 1890–1912 гг. В результате в нашем распоряжении оказались не разрозненные письма, а переписка проф. Кареева и его известного ученика.

Несмотря на лакуны, образовавшиеся вследствие разрыва цепочки «письмо-ответ», возможна хронологизация писем и их сопоставление

благодаря большей обстоятельности и содержательности писем Мякотина, что позволяет логически восполнить лакуны в письмах Кареева.

Традиционный (качественный) анализ источника на основе углубленного логического исследования стиля и авторского языка позволяет обнаружить динамику взаимоотношений «учитель-ученик». Во всех письмах Кареев обращается к своему ученику «Дорогой Венедикт Александрович» и завершает свои письма словами «Ваш Н. Кареев». Изменение обращения к адресату присутствует в письмах В. А. Мякотина, что свидетельствует о сближении дистанции между учителем и учеником. Первоначально молодой ученый начинает свои письма учтивым «Глубокоуважаемый Николай Иванович», завершая обходительными строчками «Искренне уважающий Вас В. Мякотин» или «Душевно Вам преданный В. Мякотин». Однако начиная с 1896 г., Мякотин обращается к своему учителю: «Дорогой Николай Иванович», непременно завершая их: «Ваш В. Мякотин». В этих письмах Мякотин предстает перед нами как коллега. У маститого ученого теперь он не испрашивает совета, не отчитывается о проделанной работе, не желает получить рекомендации, а подбадривает коллегу, уставшего от неурядиц в связи с неясностью его утверждения на кафедре.

А неурядицы действительно имели место быть. Заслуживает внимание один конфликт, подробности которого удалось воспроизвести на основании писем. Дело в том, что после назначения Кареева на должность профессора Санкт-Петербургского университета в 1891 г. один из претендентов на эту должность А. С. Трачевский (1838–1906), принятый лишь приват-доцентом, считал себя, видимо, обойденным. Поэтому он заявил о том, что Кареев ругал его лекции и хлопотал об их запрещении. Об этой клевете Кареев написал своему ученику Мякотину, находившемуся в то время в Киеве. Мякотин с негодованием воспринял эту новость и советовал своему учителю «письменно требовать от Трачевского категорического объяснения», а ответ предать гласности. Проф. И. В. Луцицкий через Мякотина передавал Карееву слова поддержки, так как считал, что «попытка загрязнить [Кареева] должна кончиться полным его [Трачевского] поражением». И действительно, так и случилось, а вся история, по словам Мякотина, завершилась «посрамлением... шарлатана» и стала «хорошим уроком» для сторонников Трачевского. Последний не смог органически войти в научное сообщество Петербургского университета и поэтому ему, вероятно, был необходим этот скандал. Понятно, что Кареев в своих воспоминаниях не умолчал об этом так сильно возмущившем его факте, но написал о нем предельно корректно.

Сохранившиеся письма дают весьма разностороннюю информацию и по другим темам. Её можно сгруппировать по проблемам: научное историческое сообщество России рубежа XIX–XX вв., поиск ученых (тематика, методы, результаты), педагогическая и общественная деятельность Кареева, биографические данные Мякотина (места его пребывания, семейные отношения, быт). По этим сюжетам можно привлекать переписку двух историков для исторических исследований, которая, безусловно, обогатит современную историческую науку.

Письма Н. И. Кареева к С. И. Архангельскому

В конце 1924 г. 42-летний нижегородский историк С. И. Архангельский, за плечами которого были историко-филологический факультет Московского университета, работа преподавателем в гимназиях и вузах, изучение родного края, выживание в 1917–1918 гг. и пр., обратился к Н. И. Карееву, прося оценить перспективность научного исследования по аграрной истории Англии «в эпоху первой революции». Кареев ответил, что «Ваш вопрос не привлекал к себе... внимания исследователей», кроме Савина, но «в России... по этому вопросу сделать Вам ничего нельзя будет»; «Вам лучше было бы обратиться к Виноградову (Оксфорд)» (Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 1-2).

02.02.1925 Кареев передал Архангельскому информацию об интересующем того издании (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 5). Через год и месяц Кареев писал, что «Книга такого историка, как Пиренн, и в таком предмете, как средневековые города и возрождение торговли, конечно, заслуживает издания в русском переводе, но сильно сомневаюсь, чтобы Вы могли в скором времени увидеть ее изданною у нас», поскольку труд Пиренна не является «ходким товаром». Кареев обещал похлопотать, в случае успеха желал написать предисловие к книге (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 6, 6 об., 7). 15.03.1926 Кареев сообщил, что по поводу издания книги обратился к Д. М. Петрушевскому (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 9). Ни Кареев, ни Петрушевский помочь не смогли.

15.09.1927 Кареев информировал, что аграрной историей Англии XVI в. в Москве занимается его ученик И. Л. Попов-Ленский (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 10, 12). Статью Архангельского о локальном методе Кареев разобрал в письме от 18.10.1927 г., указал на ее слабые стороны (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 12-12 об.). Кареев рассмотрел понравившийся ему план будущей диссертации Архангельского (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 11). 16.03.1928 Кареев обещал прочесть рукопись диссертации Архангельского, хотя считал, что от этого не будет толка, поскольку давно не занимается этой эпохой. В письме от 03.04.1928 Кареев положительно отозвался о будущей диссертации и дал советы (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 14, 16-19 об.).

22.05.1928 Кареев писал, что письмо Архангельского получил в постели, будучи больным, а потому не мог указать, где искать краеведческую литературу по Англии, что в Москве первые главы труда Архангельского читают с интересом (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 23).

4.10.1928 г. Кареев благодарил: «... за “Указ Диоклетиана”, полученный мною на днях... Вы счастливы тем, что Ваш университет имеет свои “Известия”, которых у нас нет. Как идет ваша работа по Англии? Скоро ли, как можно надеяться, она будет напечатана? Читали ли Вы “Лильберна” Попова-Ленского?» (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 24).

За этими строками Кареева не увидеть сложных обстоятельств публикации большой работы (Архангельский С. И. Указ Диоклетиана о таксах // Известия Нижегородского государственного университета. Н. Новгород. 1928. № 2. С. 365-401) Они выясняются при чтении писем И. М. Гревса Архангельскому. 16 октября Кареев досадовал, что они не встретились в Москве, что плохо обстоит дело с изданием Пиренна: у «самого есть несколько вещей, которые хотел бы видеть напечатанными» (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 25).

6.03.1929 Кареев сообщил, что отзыв отправлен (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 26). Это был отзыв о научной работе Архангельского в связи с его конкурсом на должность доцента. Н. И. Кареев писал: «Я своевременно знакомился с вышедшими в свет историческими работами С. И. Архангельского и всегда видел в них результат серьезного научного труда. Особенно хорошо мне известны последние, из которых один (“Аграрное законодательство в Англии в сороковых годах XVII века”) имел в рукописи и очень внимательно читал, вступив даже в переписку с автором по этому поводу»; «Тщательное отношение к источникам, критическая вдумчивость в них и осторожность сделанных выводов обнаруживают в С. И. Архангельском настоящего научного работника в области истории, которому можно только пожелать идти и далее по избранному им и удачно научному пути» (ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 93-94).

В ноябре 1929 г. Кареев был готов читать новые главы труда Архангельского. Через неделю Кареев приступил к чтению новой рукописи Архангельского (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 27, 28). В последнем письме от 29.05.1930 Кареев благодарил за присылку первых напечатанных глав работы и поздравлял с началом ее выхода (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 32).

Среди прочих дел последних 7 лет жизни Кареева обнаруживается обращение к проблемам истории революционной Англии. Более двух лет Кареев читал англоведческие тексты Архангельского и благословил его на изучение истории Англии XVII в.